

ПРЕДИСЛОВИЕ

...образование — это память. Это — память тоже.
Это не цитирование прочитанного,
это формулирование своего на базе прочитанного.
Даже неточное цитирование — уже свое.
Михаил Жванецкий. Письмо сыну

«Речь против епископов» (далее везде в тексте, кроме заголовков, — РПЕ; норв. bokmål «*En tale mot biskopen*», nynorsk «*Talen mot bispane*»; здесь и везде курсив мой. — С. А.) — в интеллектуальном отношении, пожалуй, одно из наиболее выдающихся сочинений ранней скандинавской литературы. Этот острополюемический по своему звучанию текст появился на свет в кругах, близких к королю Сверриру (1177–1202), в конце 1190-х гг., то есть в самый разгар длительной «*эпохи гражданских войн*» в Норвегии (1130–1240) — без преувеличения ключевого периода средневековой истории этой страны.

Кроме прямых и страшных обвинений, которые звучат от имени королевской власти в адрес местных епископов, в том, что те уничтожили в Норвегии христианскую веру, впали в ересь, посягнули на исконные права народа и его конунга, чем только раздули пожар затянувшегося внутреннего противостояния, РПЕ, написанная по-норвежски с опорой на многочисленные латинские цитаты из «Декрета Грациана» и евангелий (в настоящем издании они пронумерованы в тексте перевода римскими цифрами в квадратных скобках — [I]...[XLI]) и последующей их передачей на родной для автора язык, прямо или намеком обращается и к другим темам, которые являлись злободневными как для простых жителей этой страны, так и для представителей ее политической элиты. Непосредственно в РПЕ говорится о соотношении светской и духовной власти в Норвежском королевстве; о сложившейся там практике предоставления во епископов и священников; о покупке церковных должностей и «откупе грехов»; о цели служения своей пастве лиц, облеченных священным саном, и о моральном облике последних; о вывозе за рубеж десятины и других полагававшихся Церкви сборов; о распоряжении собственниками из среды мирян и самим королем имуществом культовых сооружений и землями, на которых те возводились, а также о распределении этих имений между монастырями и приходскими храмами. С основными темами соприкасаются не раскрываемые в РПЕ широко, но при этом такие весьма болезненные и взаимосвязанные социальные вопросы, как эволюция личного статуса рядовых свободных домохозяев-бондов, составлявших массу общества, а также изменение их имущественных и публичных прав.

Такая «многослойность» текста заставляла исследователей по-разному определять не только жанр, но и структуру РПЕ, отталкиваясь либо от формальных критериев, либо от тем, вокруг которых велась полемика. Оригинальный текст РПЕ не имеет внутреннего членения, но, в конце концов, — право каждого ученого выделять в произведении те или иные фрагменты и обращать внимание

на то, как они между собой перекликаются, в зависимости от задач, которые ставятся перед исследованием. В данном издании РПЕ ее текст также разделен на несколько условных частей (они пронумерованы арабскими цифрами в фигурных скобках {1}...{8}): во-первых, чтобы обратить внимание читателя, как автор РПЕ структурирует свою мысль, переходя от тезы к доказательствам; во-вторых, дабы продемонстрировать, что эти доводы, осознаваемые им как не безусловные и нуждающиеся в развитии, с одной стороны, направлены на продолжение диалога королевской власти с оппозиционным епископством, а с другой — на вербовку ею в свой лагерь новых сторонников одновременно.

Открывается РПЕ описанием устройства общества наподобие человеческого тела, состоящего из взаимно заботящихся друг о друге членов-«сословий», на каждый из которых возложена отдельная функция. А завершается произведение кратким, но насыщенным фактами прошлого *«очерком о епископах-еретиках»*, где приведен целый ряд совершенно одиозных, на взгляд автора этого сочинения, исторических примеров отступничества лиц, носивших высокий священный сан, от истинного учения Христа и вместе с тем духовного подвига светских правителей, которые своими трудами и государственным умом не позволили утвердиться ересям, а создателям сих лжеучений обрести власть и авторитет. Если данный «очерк» был вставлен с тем, чтобы провести параллели с лидерами оппозиционной Сверриру церковной партии, которую и возглавляли епископы, то безосновательное обвинение их в ереси скорее закрывало путь к диалогу. Из других источников известно, что наладить его тогда так и не удалось, а потому дискуссия между королевской властью и Церковью продолжилась и растянулась еще на полтора столетия, до середины XIV в.

Несмотря на множество поднимаемых тем и вопросов РПЕ при этом — невелика по объему в сравнении с такими современными ей и пространными в своем повествовании произведениями норвежской литературы XII столетия, как «История о древних норвежских королях» Теодорика Монаха и анонимная «История о походе датчан в Иерусалим», написанные на латыни, и тем более знаменитая «Сага о Сверрире». В отличие от этих текстов, где авторское мнение выражено не прямо, а растворено в описании множества событий и в характеристике персонажей, РПЕ посвящена главным спорным вопросам эпохи специально, сконцентрирована на них, почему, собственно говоря, данное сочинение следует считать *первым памятником норвежской общественно-политической мысли*.

В этой книге представлены две транскрипции оригинального текста РПЕ. Первая по исследовательским соображениям воспроизводит его по *единственному средневековому списку* XIV в., в котором РПЕ дошла до наших дней, — с соблюдением построения строк, сохранением различного вида сокращений и повторов (раздел «Транскрипция I оригинального текста по АМ 114 а 4то»). Это осуществлено с тем, чтобы представить полностью восстановленный и сохранившийся до наших дней текст РПЕ, который неточно воспроизведен в предыдущих изданиях. В XIX в. чернила в указанной рукописи в результате эксперимента по их проявке во многих местах были повреждены специально нанесенным химическим реагентом, из-за чего разбор текста там сильно затруднен. В *первой транскрипции* в зеркале печати передается отчасти сохра-

ненное переписчиком XIV столетия расположение в строках прописных букв, которые могли быть инициалами или их аттантами (маленькими буквами, которые писец записывал на пустом месте, где должен быть инициал) в раннем манускрипте, откуда производилось копирование. В этом же разделе помещена статья об истории рукописи и изучения РПЕ. *Вторая транскрипция* ради удобства чтения и цитирования представляет собой сплошной восстановленный текст с раскрытыми сокращениями. К ней привязан параллельный полный перевод РПЕ на русский язык, выполненный специально для данного издания (раздел «Транскрипция II оригинального текста и перевод»).

При переводе ставилась задача максимально сохранить как приемы и обороты устной речи, которые порой грешат косноязычием, так и соседствующие с ними образчики ученой риторики и канцелярского языка. Ни те, ни другие не отличаются ни изяществом формы, ни синтаксической выверенностью фразы, что в русском переводе во многих местах заставило предпочесть буквальность в ущерб литературности. Столь же важно было передать другую уникальную особенность стиля РПЕ, когда латинские цитаты переводятся на норвежский язык то очень точно, то весьма вольно, что, как видится, делалось, чтобы изложить либо собственные взгляды автора, либо идеи заказчика сочинения и тем достичь поставленных целей.

Характерным для автора РПЕ ходом является придание широко используемым им в полемике положениям канонического права, и декретального как его части, совершенно противоположного смысла. Особенно когда уже на стадии их цитирования по-латински отдельные слова либо приводятся в иных грамматических формах, либо опускаются вовсе, либо вместо них подбираются другие. Явным это становится в случаях, когда составитель РПЕ, переформулировав текст «Декрета Грациана», создает на его основе собственную латинскую фразу и передает ее затем на родном наречии. Он исходит не столько из задачи сделать перевод, сколько изложить смысл исходного текста так, как это было нужно ему самому или заказчику, даже если изначальная идея, высказанная в правовом каноне, была совсем другой. Иногда автор применяет развитую в древноревежском языке синонимию, за счет чего несколько компенсируется известная лексическая бедность РПЕ. Это обнаруживается во многих переведенных им высказываниях, развитых собственными его же толкованиями и разъяснениями, что наделяет данные фразы (и не только их, но и все произведение) дополнительными значениями. Отдельные мысленные прообразы возникали у составителя РПЕ или у возможных последующих редакторов совершенно неосознанно, рождаясь при компоновке текста, так сказать, на «стыках»: *оригинальный латинский текст «Декрета Грациана» и др. — собственная (прямая или преобразованная) латинская же цитата — норвежский перевод — изложение автором РПЕ смысла — авторское толкование-подытоживание*. Но происходит это не в каждом случае.

С проблемами, порожденными упомянутым выше неудачным химическим опытом, сопряжены и другие, которые также касаются корректного прочтения и восприятия РПЕ. А именно — в какой степени имеющаяся в нашем распоряжении единственная версия зависела от переписчиков и предполагаемых редакторов начального текста, которые жили в XIII и первой половине XIV в.,

а также насколько этот извод близок к протографу? Имело ли изучаемое произведение в протографе такой же строй, каковым оно обладает в рукописи XIV в.?

Чтобы читатель мог представить себе, как автор РПЕ, который являлся, по видимому, духовным лицом, обращается с «Декретом Грациана», в настоящем издании параллельно с текстом РПЕ приводятся соответствующие положения данного свода канонического права на языке оригинала. Дополнительной задачей и одновременно сложностью была передача этих сентенций по-русски с учетом того, что, как уже говорилось, при цитировании составитель РПЕ, а вслед за ним также позднейшие копиисты так или иначе изменяли их. Это становится очевидным, когда грамотей XIV в. ошибается при переписывании латинской фразы, которая дополнительно не сверялась им с текстами евангелий или со сводом канонического права, но при этом ее норвежский перевод весьма точен и близок к оригиналу. Частично это говорит о нежелании потомков серьезно вникать в идеи предков и в понимание ими проблем в тех нюансах, которые они имели более столетия назад. Поэтому порой трудно отделить осознанное творчество возможных редакторов от простых небрежностей, допущенных копиистами. Особенно когда в том или ином высказывании или блоке взаимосвязанных цитат какой-то оборот, часть фразы или отдельное слово могут быть поняты совершенно непротиворечиво, но при этом имеется риск, что неадекватно замыслу сочинителя. Данные места отмечены в постраничных сносках ко второй транскрипции текста и в примечаниях к русскому переводу РПЕ.

Эти сугубо предварительные замечания, касающиеся содержания, структуры и целей РПЕ, призваны обратить на это сочинение внимание не только широкой публики, но также профессиональных палеографов, филологов, правоведов, историков и особенно переводчиков. В частности, на то, чем руководствовался в своей работе их коллега в конце XII столетия. Как он, манипулируя имеющимися в его распоряжении источниками, творчески осмысливал и преобразовывал их. Как на основании авторитетных для него текстов и «горестных замет» своего сердца он пытался донести до аудитории идеи, пришедшие в Норвегию извне. При этом на их основе он формулировал собственные мысли, и довольно оригинальные, желая, по крайней мере на словах, сделать их широкодоступными, в том числе благодаря примерам из повседневности, которые были понятны любому норвежцу, жившему в то беспокойное время. Этому также должно было способствовать изложение автором РПЕ своих взглядов на родном для него и его соотечественников языке.

Научный аппарат данного издания и примечания, которые сопровождают русский перевод РПЕ (см. раздел «Комментарии»), призван раскрыть встречающиеся в тексте специфические понятия, представить факты биографий упомянутых персонажей норвежской средневековой истории XI–XII столетий и просто сориентировать читателя в ее событиях. От этих разъяснений и очерков, которые снабжены необходимыми ссылками на иные памятники эпохи, а также на научную литературу, не следует ожидать исчерпывающей полноты. Данные материалы имеют сопроводительный характер, но это вовсе не означает, что они не оригинальны, а сказанное не является позицией их автора.

Совершенно самостоятельным является раздел «Дополнения», где помещены переводы важных для ранней норвежской церковной истории документальных и фрагменты нарративных текстов, составлявшихся в лагере, враждебном Сверриру. С ними РПЕ связана идейно и тематически, а некоторые даже послужили для ее автора источниками вдохновения, откуда, в том числе, он черпал темы для полемики с Церковью, изучая и постигая при этом точку зрения своих оппонентов, а также доказательные приемы противной стороны. Эти памятники позволяют расширить и подробнее раскрыть обстоятельства, в которых РПЕ создавалась. Переводы на русский язык большинства из них публикуются впервые и подготовлены специально для настоящего издания так же, как и текст самой РПЕ.

Русский перевод РПЕ и его публикация, как видится, давно назрели, учитывая постоянный и высокий интерес, проявляемый в России к скандинавским литературным древностям. О том, что это сочинение привлекало и продолжает привлекать к себе большое внимание и сегодня, свидетельствуют его периодические норвежские переиздания (всего их шесть; последнее вышло в 2018 г.), а также переводы на европейские языки — английский, немецкий, французский, испанский (см. раздел «Издания “Речи против епископов” и основные рекомендуемые исследования»).

Хочется думать, что российская публика оценит РПЕ по достоинству и это сочинение встанет у нее в один ряд с такими великими памятниками древнескандинавской словесности, какими являются обе Эдды, саги, «пряди» и стихи скальдов, которые хорошо известны в нашей стране и пользуются высокой популярностью. Интерес иного рода РПЕ вполне может вызвать у специалистов по истории Церкви, а также у общественных деятелей, занимающихся проблемами государственно-церковных отношений.

Первый, что называется «рабочий», перевод РПЕ на русский язык был выполнен еще в 2009 г. По многим причинам работа над его совершенствованием и подготовкой издания РПЕ затягивалась, заняв, что очевидно, неоправданно долгое время. Но это дало возможность многократно проверять и улучшать перевод прежде всего благодаря советам и замечаниям ведущих отечественных специалистов в области лингвистики, скандинавских языков и литературы — доктора филологических наук *Антон Владимирович Циммерлинг*, которому я приношу мою искреннейшую благодарность, и кандидата филологических наук *Татьяны Львовны Шенявской* (1963–2024), чьей светлой памяти посвящается данная книга.

За бесценные советы в области канонического, и в частности декретального, права, а также перевода его положений, использующихся в РПЕ, я выражаю огромную признательность старшему научному сотруднику Центра специальных исторических дисциплин, сравнительного и теоретического источниковедения Отдела специальных исторических дисциплин Института всеобщей истории Российской Академии Наук (РАН), кандидату исторических наук *Елене Валерьевне Казбековой*. Уточнить перевод РПЕ и углубить понимание этого сочинения позволили рекомендации выдающегося лингвиста, а также исследователя в области литературы и истории древней Скандинавии и Руси, директора Института русского языка имени В. В. Виноградова Российской Академии Наук,

член-корреспондента РАН *Фёдора Борисовича Успенского*, за что я искренне признателен ему, так же, как за огромное и деятельное участие в судьбе рукописи, которая легла в основу настоящего издания.

С особым чувством я говорю сердечное спасибо моим друзьям и замечательным исследователям, принимавшим участие в работе над этой книгой и помогавшим, в том числе, с подбором научной литературы, — *Ю. А. Ефремовой, И. И. Аникьеву, К. М. Борисовой, Г. И. Борисову.*

С. Ю. Агишев